

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

У статті формулюються базові підходи до вивчення літератури епохи громадянської війни. На понятійному рівні аналізується механізм трансформації філософської думки – у художню практику.

Ключові слова: література першої хвилі російської еміграції, персоналізм, автобіографічна проза.

В статтє формулюються базовые подходы к концепт-анализу автобиографической прозы писателей-эмигрантов. На понятийном уровне анализируется механизм трансформации в условиях эмиграции исторического события в событие эстетическое, философское.

Ключевые слова: литература русского зарубежья первой волны, персонализм, автобиографическая проза.

The article gives a strict idea of the basic approaches in the study of the literature in the Russian émigré. On the level of conception the author analyses the mechanism of transformation of the historical event into the aesthetic event.

Key words: Russian émigré literature, the autobiographical prose, the personalizm.

На рубеже XIX-XX веков в русской литературе выявились различные пути развития, так или иначе соотносящиеся с философией. Однако существовал ряд течений и направлений, которые могли быть воплощены в художественной практике помимо увлеченности того или иного автора философской доктриной, в силу типологического сходства мировоззренческих позиций писателя и философских установок. К числу таких философских оснований эмигрантского творчества можно отнести персонализм - влиятельное философское направление XX в. Персонализм является попыткой конкретизировать христианский идеал личности в условиях современного общества, при наличии отчуждения, где над человеком довлеют и поработают его враждебные общественные силы.

Симптоматично, что в одной из своих статей известный украинский философ-персоналист С. Б. Крымский заметил, что «кризис гуманизма», столь актуальный и для Европы, и для всего мира, проявляется в так называемой «проблеме персонализма»: еще на II Ватиканском конгрессе 40 лет назад гуманизм был определен как «попытка заменить религию Бога, ставшего человеком, религией человека, возмнившего себя Богом». Когда же акцент делается на личности, ее неотъемлемых правах, речь идет о «персонализме» [1, с. 4]. Персонализм является философским течением, ставящим в центр своего изучения личность человека и личность Бога. Это течение сформировалось в конце XIX в. в США (представители – Джосая Ройс, Б. Боум, Уильям Хокинг). Классическим персонализмом в ряде изданий назван французский персонализм, у истоков которого стоят

Эмманюэль Мунье и Жан Лакруа. По мнению Э. Мунье [2] и других философов-персоналистов, персонализм – это не философская школа и не система; это, скорее, умонастроение, жизненная позиция. Персонализм – это личностная переоценка ценностей, отражение того факта, что человеческая личность лежит в основе всех философских и социальных поисков.

Следует подчеркнуть, что в автобиографической прозе эмиграции личность не просто доминирует – она самораскрывается перед читателем, одновременно творя собственную историю и историю страны. В кризисных ситуациях личность оказывается вписанной в вертикаль «Бог – социум – личность». Можно утверждать, что персонализм оказался отчасти той моделью, по которой писатели-эмигранты выстраивали (часто неосознанно) свой художественный мир. **Цель** данной статьи – через различные дискурсы персонализма, которые демонстрировали личностные проявления, увидеть своеобразие автобиографической прозы.

По мысли С.Б. Крымского [1], еще в трудах Г. Сковороды был заложен основной принцип персонализма: если человек и перестал быть центром большого мира, то он – особый мир, микрокосм, и он является его центром. Такая трактовка личности была особенно актуальна для эмиграции, потерявшей и былую власть, и былое величие.

Среди многочисленных словарных определений персонализма можно выделить несколько совпадающих. В энциклопедии «Культурология. XX век» персонализм трактуется как «направление в философско-культурологической мысли XX в., исходящее из представления, что первичной реальностью и главенствующей ценностью культуры является творческая личность» [3]. Философский словарь рассматривает персонализм как «теистическое направление современной философии, признающее личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности - Бога» [4]. «Энциклопедия Британика» дает следующую дефиницию: «a school of philosophy, usually idealist, which asserts that the real is the personal, i.e., that the basic features of personality – consciousness, free self-determination, directedness toward ends, self-identity through time, and value retentiveness – make it the pattern of all reality» [5].

Для углубления вопроса об исторических корнях персонализма, нельзя не остановиться на фигуре Н.А. Бердяева. Учение о человеке Н.А. Бердяева получило название эсхатологического персонализма. В эмиграции Н.А. Бердяев написал книги, принесшие ему мировую известность: «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1924); «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931); «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939); «Русская идея» (1946) и др. Проблемы личности, свободы и творчества, смысла жизни и смерти фигурируют практически во всех его философских трудах.

Н.А. Бердяев [6] различал в человеке личность и индивид: индивид – это неделимая часть вещественного природного мира, подчиненная его закономерностям; личность — это подобие Бога. Личность приобретает и сохраняет черты подобия Бога, если идет по пути трагического творчества, но только на этом пути она сохраняет свое человеческое призвание и перед ней открывается возможность общения с Богом. Эсхатологический характер истории обещает человеку-личности, прошедшему через последний Суд, качественно новое, иное бытие.

Названные характеристики оказывались типологически сходны с теми процессами, которые происходили в эмиграции. В условиях физического и нравственного выживания, жестокой ностальгии эмигрант вынужден был обособиться, уйти в воспоминания. Причем каждый пишущий верил, что его творчество будет рано или поздно востребовано, именно его слово представляет ту правду, которая соответствует действительности, а не искажает ее. Отсюда – нередко дидактическая интонация, лирические отступления или обращения к читателю, тяготение к исповеди и проповеди.

Симптоматично, что личность в персоналистской трактовке выступает как единство трех основных характеристик: экстериоризации, интериоризации и трансценденции. Экстериоризация – это осуществление личности вовне; интериоризация – внутренняя сосредоточенность личности, ее духовный мир; трансценденция – ориентация личности на связь с Божественным началом [4]. Как отмечает С.Б. Крымский, еще Г.Сковорода выделил следующую классификацию: «этапы жизни таковы: детство – это рай (из этого рая человек неминуемо изгоняется безвозвратно), затем сознательная жизнь как строительство своего Храма и, наконец, слияние с Внутренним Человеком, т. е. с Богом, и переход к вечности» [1, с. 4]. Эта модель практически идентична представленной в эмигрантских автобиографических произведениях индивидуальной парадигме.

Таким образом, личность занимает центральное положение в картине мира в силу своей взаимосвязи с Богом (религия и вера), с историей и социумом (историко-политический вектор интереса личности), а также вступает в субъектно-субъектные отношения с другими личностями на уровне этических и культурных отношений. Русские персоналисты считали личность единственным субъектом истории и носителем культуры. В условиях диаспорной жизни разновекторность и многомерность утраченной культуры была детерминирована различным социально-историческим индивидуальным опытом каждой творческой личности. С другой стороны, единство культуры как целого позволяло эмигранту сохранить себя, сохранить надежду на возвращение или возрождение.

Сходство писательского опыта и философского направления выражалось в том, что персоналисты выдвигали на первый план не познающего истину субъекта классической философии, а человеческую личность во всей полноте её конкретных проявлений, в её неповторимой индивидуальности. Личность для них превращается в фундаментальную онтологическую категорию, основное проявление бытия, в котором волевая активность, деятельность сочетаются с непрерывностью существования.

Именно персонализм помогает не просто создать целостную и достаточно логическую картину эмигрантского автобиографического творчества, но и открывает новые возможности для литературоведческого анализа. Персонализм демонстрирует различные аспекты сюжетно-тематического и изобразительного плана в их системе, взаимозависимости.

Эмиграция в художественных произведениях поставила ряд нравственно-психологических и религиозно-философских проблем, которые не могут не быть предметом персонализма: свобода и ответственность человека за происходящее, власть и насилие, смирение перед обстоятельствами, страдание как искупление. Тезис персонализма «чем более развита духовно личность, тем более она аккумулирует в себе предшествующее развитие культуры» позволяет сосредоточить внимание на произведениях тех авторов,

которые могут быть идентифицированы как профессионалы в той или иной сфере деятельности.

Итак, персонализм мы рассматриваем как парадигму, в которой можно выделить следующие уровни воплощения.

Религиозно-философский. Возврат русской интеллигенции в лоно церкви был характерным явлением эмиграции. Однако религиозно-философская парадигма автобиографической прозы с наррацией от первого лица не исчерпывалась вопросами веры (набожности) и выражала мировоззренческий и формосодержательный аспект творчества разных художественных индивидуальностей. По мнению исследователя А.А. Бородин, «религиозно-философские размышления весьма характерны для представителей творческой интеллигенции русского зарубежья в уходящем веке» [7, с. 173]. Осознание себя в Боге было имманентно причастности к ушедшей культуре, а обращение к религиозной тематике художников и философов концептуально раскрывало контрадикторный мир личности, концентрировало внимание на природе внутренних мотивов человеческих поступков и творческих актов. Евангельский подход к человеку предполагает, что истоки каждого человека как личности находятся в том, что человек есть образ и подобие Божие, творение Божие. Персонализм является по преимуществу религиозным, христианским течением. Несмотря на это, некоторые исследователи выделяют секулярный или атеистический вариант персонализма как отдельное направление. Секулярным (светским) вариантом персонализма могут быть названы материалистические (атеистические) системы, ставящие в основу своей философии личность человека и понимающие ее как главную метафизическую ценность, над которой не существует никакого высшего бытия. Выделение такого вида материализма существует в работах многих исследователей конца XIX – начала XXI в. Поэтому и на данном уровне персонализма нелогично говорить только о религиозно-философских воззрениях эмигрантов. Общая картина автобиографической прозы выглядит несколько схематичной без учета творчества тех авторов, которые либо открыто не позиционировали свой интерес к религиозным вопросам (в силу разных причин), либо сознательно отказывались от идеи Бога в своем творчестве. Принимая установку на оценку личности в разнообразных проявлениях и связях, необходимо найти такой концепт, который мог бы вобрать признаки типологической общности потерявших стабильность и защищенность людей. На религиозно-философском уровне в качестве ключевого был определен концепт «Отец», interfерирующий бытовую и бытийную сторону личностного существования.

Социально-исторический. Жизнь личности континуально переплетается с жизнью социума, и нравственный опыт, багаж политических оценок человека имеет социальное значение. Тем самым личность оказывается не только субъектом, но и объектом социальных преобразований. Для того, чтобы выжить в настоящем и будущем, эмигранту необходимо было переосмыслить прошлое, расставить свои приоритеты, а от чего-то отказаться. В работах персоналистов личность рассматривается как Божья идея и Божий замысел, возникшие в вечности. В то же время в пограничных условиях бегства человек был очень часто вынужден мимикрировать, отождествлять себя с иным социальным статусом, который мог гарантировать уют, покой, физическое выживание. Поэтому персонализм, утверждавший, что «Личность есть целостность и единство, обладающие без-

условной и вечной ценностью», отражается в эмигрантском творчестве опосредованно, через систему оценок и авторских комментариев. Именно в условиях угрозы жизни и психике конкретное существование стало мыслиться как нечто особое, исключительное, о чем свидетельствует, например, И. Савин, переживший не только горечь поражения, но и позор плена: «Самую обидную брань выслушивали равнодушно <...> И вместе с тем сквозило в этой белой покорности что-то до того неуловимо прекрасное, что горьчайшее унижение человеческого достоинства мы принимали как венец. Не мученичества, а скрытой, неясной радости и гордости за дух, которого не оплевать и не унижить» [8, с.139]. В образе нарратора окружающему жестокому миру противопоставлена внутренняя культура, вера в то, что он нужен белому движению (как указала сестра милосердия), что семья жива, а родной дом только временно покинут. Однако следует добавить сюда еще и чувство собственного достоинства, которое не позволяет кричать от боли и просить пощады у врага: «Крик унизил бы мою боль и ту сокровенную правду, которой билось тогда сердце, которой бьется оно и теперь» [8, с.135]. К конституирующим приоритетам личности эмигранты относили идею Бога, памяти, дома. Память есть ценность, соединяющая личность с государством, нацией, родом, природой. То, что одним виделось как апокалипсическое столкновение добра и зла, столкновение ценностей нового и старого мира, другими воспринималось прежде всего как трагедия личная. Главной потерей многие из них считали расставание с родиной, однако наиболее точным показателем личностного отношения к утрате не столько материального, сколько культурного наследия нам представляется концепт «дом» (а не стандартная «родина»).

Этический. В литературоведении этика в отличие от социологии изучается не как нравы, нравственные мнения и обычаи, а как первофеномены добра и зла, первоначальные оценки и ценности, нашедшие художественное выражение в творчестве. Социология сосредоточивает внимание на совокупности человеческих мнений и оценок, интегрируя типичное, а в художественной практике авторы выражают индивидуальные мнения и суждения, литература аккумулирует гамму человеческих мнений о добре и зле, об источнике оценок, о нравственных ценностях личности. Этический конфликт становится в эмиграции составляющей отношений личности и общества. В кризисных условиях XX века человек вынужден был определить и выразить в творчестве свое различие между добром и злом, доказать свою нравственную адекватность. Нравственная жизнь переплетается с жизнью социальной, и нравственный опыт человека имеет социальное значение. Философская этика в отличие от социологии изучает не нравы, не нравственные мнения и обычаи, но первоначальные оценки и ценности. Этика воспринимается им как высшая иерархическая ценность в самопознании личности. Речь идет не о ценности личности вообще, а о ценности конкретной неповторимой личности, о ценности индивидуального. Таким образом, выделение этического уровня персонализма оказывается шире, чем просто констатация категорий добра и зла. Этот уровень мы связываем с концептом «ответственности», позволяющим выявить пассивные и активные способы постижения новой эмигрантской реальности личностью.

На наш взгляд, персоналистская природа автобиографического творчества может быть объективирована на основе трёх указанных выше уровней. Уровневый подход к интерпретации эмигрантской прозы позволяет типологизировать достаточно разнородную и разножанровую автобиографическую прозу, даёт возможность обратить внимание на

освещение русскими эмигрантами украинского топоса как места «ближней эмиграции», увидеть своеобразие авторской картины мира в каждом конкретном произведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крымский С. Б. Персонализм и Украина: - Режим доступа: www.darial-online.ru/2003_3/babich.shtml. - //12.12.2009 г. – (проверено 22.12.09 г.)
2. Мунье Э. Манифест персонализма: пер. с франц. – М.: Республика, 1999. – 559 с.
3. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2. / гл. ред. и сост. С.Я. Левит.— СПб.: Университетская книга; 000 “Алетей”,1998.- с. 117-118.
4. Философский словарь // [авт.-сост. : И.В. Андрущенко [и др.]. – К. : А.С.К., 2006. – С. 990 – 994.
5. Персонализм. – Режим доступа: http://felr.ru/zapadnaja/personalism_neotomism.html. - 10.12.2008 г. – (проверено 02.12.08 г.).
6. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. - 320 с.
7. В поисках утраченного единства: сб. статей/ Отв. ред. В.П. Казарин. – Симферополь : Крымский Архив, 2005. – 330 с.
8. Крымский альбом: историко-краеведческий литературно-художественный альманах/ по ред ред. Д. Лосева. – Вып. 3. – Феодосия; М. : Изд. дом Коктебель, 1998. – 237 с.